

УДК 343.222.3

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина;
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: yuzanin@mail.ru

О ПОЗИТИВНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для цитирования

Южанин, В. Е. О позитивной уголовной ответственности / В. Е. Южанин // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 200–206. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206.

Аннотация. В статье обосновывается существование позитивной уголовной ответственности, которую многие ученые не воспринимают. Она понимается как обязанность правосубъектного гражданина не нарушать запреты, установленные в уголовном законе. Позитивная ответственность неравнозначна уголовно-правовому запрету (статичная стадия), она проявляется в правоотношениях (динамичная стадия). Утверждается, что позитивная ответственность хотя и определяет поведение человека с внутренней стороны, но не может должным образом реализовываться без внешнего воздействия: определения государством уголовно-правовых запретов и способствования усвоению и соблюдению гражданами этих запретов. Это происходит посредством реализации общепреventивной и воспитательной функций, информирования граждан об уголовном законе, правоохранительной и судебной практике, исполнении наказаний, поощрительных нормах уголовного законодательства и пр. Уголовно-правовые запреты оказывают регулирующее воздействие на всех людей, а не только на так называемых неустойчивых граждан. Перед государством стоит задача максимально реализовать действие запрещающих норм уголовного права, создать правовые и организационные условия для этого. Обосновывается существование позитивной уголовной ответственности посредством использования учения об охранительных нормах права, согласно которому эта норма воспринимается как единая норма, но действующая в двух режимах: а) правосубъектном, оказывающим общепредупредительное воздействие на граждан (состояние позитивной ответственности); б) охранительном, связанном с правоприменительной деятельностью правоохранительных органов (ретроспективная ответственность).

© Южанин В. Е., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: позитивная уголовная ответственность, ретроспективная уголовная ответственность, уголовно-правовые запреты, соблюдение запретов, общее предупреждение преступлений, информирование государства о запретах, страх перед наказанием, охранительные правоотношения.

В литературе по уголовному праву уголовная ответственность рассматривается в виде позитивной или ретроспективной (негативной) ответственности. Ни та, ни другая не получили определения в законодательстве, более того, многие ученые ставят под сомнение само существование так называемой позитивной ответственности. Так, по мнению И. Я. Козаченко, «попытка втиснуть практически необъятные формы проявления социальной ответственности через модную идею позитивной ответственности в узкие рамки уголовного права, как в прокрустово ложе, в своей исходной предпосылке малоперспективна, так как уголовно-правовая действительность негативна изначально. Известно, что в отношении правопослушных граждан уголовный закон не применяется, а ответственность (даже если она позитивная) без применения уголовного закона нонсенс» [10, с. 93].

Однако многие ученые все-таки признают позитивную уголовную ответственность. Они считают, что основанием ее существования является наличие в уголовном законе запретов, соблюдение которых обеспечивается угрозой наказанием. Юридическую сущность позитивной уголовной ответственности составляет обязанность соблюдать уголовно-правовые запреты. В силу этого она является ответственностью без нарушения, ее субъектами выступают правопослушные граждане, она как бы сопровождает граждан изнутри, а не с внешней стороны при применении мер принуждения.

Свою точку зрения об актуальности познания уголовной ответственности высказал Ю. В. Голик: «Наш законодатель едва ли не единственный в мире, кто в Уголовном кодексе наряду с термином «наказание» оперирует термином «ответственность». Возможно, это шаг вперед, который мы сделали, не осознав его еще в полной мере» [3, с. 26].

Особо острая дискуссия о позитивной уголовной ответственности развернулась в 60–70 годы прошлого столетия. В настоящее время она поутихла. Если заглянуть в научные издания последних лет, то в них, как правило, утверждается, что по данной проблеме имеется дискуссия, и, не углубляясь в нее, авторы сразу занимают ту или иную позицию. Ранее дискуссия в основном сводилась к признанию или непризнанию позитивной уголовной ответственности. По ее определению споров не возникало, с небольшими расхождениями она понималась как обязанность уголовно ответственного субъекта не нарушать запретов, установленных уголовным законом.

Следует отметить, что, по мнению большинства авторов, подобная обязанность возникает с момента принятия норм права о запретах [7, с. 146–147]. Все это верно, если не принимать во внимание еще один аспект позитивной уголовной ответственности – ее реализацию. Иначе говоря, надо всегда иметь в виду, что позитивная уголовная ответственность появляется с момента издания уголовного закона и реализуется при соблюдении правосубъектными гражданами норм этого закона. То же самое происходит с ретроспективной уголовной ответственностью: она возникает с момента совершения преступления (образуется общее уголовно-правовое отношение) и реализуется (с момента вступления приговора суда в законную силу) в рамках уголовно-исполнительных правоотношений. «Определение круга наказуемых деяний – это объективная предпосылка позитивной уголовной ответственности. Ответственность неравнозначна уголовно-правовому запрету, то есть установленной в уголовном законе обязанности, но

и не может без нее существовать как без своего объективного основания». В данном случае авторами этой цитаты подчеркивается, что позитивная уголовная ответственность имеет свое существование и содержание, которое, на наш взгляд, выражается в соблюдении субъектами уголовно-правовых запретов.

Однако данная трактовка содержания позитивной ответственности носит односторонний характер, которая имеет отношение к одному субъекту – правопослушным гражданам, обязанным воздерживаться от нарушений норм уголовного закона. Как известно, любая ответственность не может быть содержательной и реализована без другого уполномоченного субъекта – государства в лице соответствующих органов. Так, если иметь в виду ретроспективную уголовную ответственность, то она реализуется путем наделения правами и обязанностями лица, совершившего преступление (обязанность понести ответ за содеянное и право требовать, чтобы совершенное им деяние было правильно квалифицировано и назначено наказание в соответствии с законом), а также государства, имеющего не только право применить наказание, но и обязанность сделать это в рамках закона.

Для реализации позитивной уголовной ответственности также нужна воля государства, проявление которой способствовало бы реализации гражданами обязанности воздержаться от нарушения уголовно-правовых запретов. Позитивная ответственность хотя и сопровождает личность постоянно в течение ее жизни, определяет ее поведение с внутренней стороны, но она не может полноценно реализоваться без внешнего воздействия, без обязанности государства поддерживать и обеспечивать ее.

Это внешнее воздействие связано, с одной стороны, со статичными факторами, то есть с наличием в уголовном законе запрещенных норм права, и, с другой стороны, динамичными процессами, которые способствуют усвоению и соблюдению этих норм. К последним можно отнести: информирование граждан об уголовном законе, правоохранительную и судебную практику, исполнение наказаний, стимулирование правомерного поведения в виде добровольного отказа от преступления деятельного раскаяния, возмещения вреда и пр. Речь идет об общепревентивной и воспитательной функциях уголовной ответственности, которые реализуют свой удерживающий от совершения преступления потенциал. С. В. Максимов отмечает, что «если рассматривать общее предупреждение как свойство (функцию) уголовной ответственности, то под ним допустимо понимать способность уголовного наказания и иных мер уголовной ответственности удерживать неопределенный круг дееспособных в уголовно-правовом смысле людей от совершения преступлений посредством угрозы наказанием, усиления морального запрета или поощрения правомерного поведения» [9, с. 424].

Круг факторов, удерживающих от преступлений, должен исходить от государства и способствовать тому, чтобы граждане соблюдали уголовно-правовые запреты. Такое возможно как в предупредительном, так и в воспитательном плане – не важно, главное, чтобы граждане не совершали криминальных деяний. В этом видится перспективный путь преодоления наметившегося нигилизма граждан по отношению к справедливости уголовного законодательства и практике его применения.

Что касается общей превенции, то она за последние годы изменилась: если в 1990-е годы она во многом исходила от организованной преступности, то в настоящее время – от государства, причем по выборочному варианту, так как информируют население в основном о социально значимых преступлениях: коррупции в высших эшелонах власти, подготовке террористических актов, массовых убийствах и т. п. Все это способствует трансформации общей превенции в квазипревенцию, так как абсолютное большинство

населения далеко от этих опасных преступлений, их следует ограждать от совершения наиболее распространенных криминальных деяний.

Необходимо знание различных слоев населения на назначаемое наказание, использовать все доступные каналы его информирования о разоблачении преступников, их справедливом наказании, тягот его отбывания. Особенно, на наш взгляд, важно показывать лишения, которые испытывают осужденные при отбывании различных наказаний, распространять интервью с осужденными, рассказывающими о невыгодности пребывания в местах лишения свободы, и т. п. Особенно важно, когда это касается ответственности за наиболее распространенные преступления: кражи, грабежи, разбои, хулиганство, причинение вреда здоровью, изнасилование и пр.

Есть такое мнение, что уголовно-правовые запреты оказывают регулирующее воздействие не на всех людей. По характеру воздействия запретов людей обычно делят на три группы: 1) лица, поведение которых не вызывает необходимости установления уголовно-правовых запретов; 2) лица, для которых существование угрозы наказания недостаточно, они совершают преступления; 3) лица, не совершающие преступления, потому что опасаются уголовного наказания. Юристы и социологи даже пробовали определить процент лиц, которых удерживает от совершения преступлений угроза наказанием. Одни его определили в 17,2 % [4, с. 185], другие – в 22 % [9, с. 342], но тем не менее это значительная группа лиц, относящаяся к правопослушным гражданам. Если сюда еще добавить лиц, которые совершили преступление, отбывают наказание, но удерживаются от рецидивного преступления из-за страха перед новым наказанием, то получится довольно внушительное число людей, удерживаемых от преступлений угрозой получения судимости.

По данному раскладу выходит, что первая группа лиц не испытывает страха перед наказанием, соблюдает уголовно-правовые запреты по нравственным соображениям, на них данные запреты не оказывают регулирующего воздействия. Однако это не совсем так. В научной литературе имеется иное мнение по этому вопросу: наказание может воздействовать на всех граждан [11, с. 96] или на лиц, способных совершать преступление [8, с. 384], или объективно – на всех граждан, подлежащих уголовной ответственности, а субъективно – на лиц с антиобщественной направленностью [6, с. 88].

Мы считаем, что страх перед наказанием играет важнейшую роль в соблюдении запретов, его испытывает каждый житель нашей страны. Как бы ни был нравственно воспитан человек, он непременно чувствует и воспринимает, что можно, а что нельзя. Например, каждый водитель автомобиля знает, что нельзя нарушать правила дорожного движения и что это может привести к преступным последствиям, а в последующем и к ответственности, и он не нарушает их, хотя при отсутствии запретов мог бы их нарушить. Большинство законопослушного населения, будучи на должностном положении, не отказались бы от денежного вознаграждения за оказанные услуги, но предпочли бы воздержаться от этого, так как за подобное последует наказание.

Известно, что наука криминология выделяет случайного преступника. Таковым он является «именно потому, – замечает Ю. В. Голик, – что совершенное им деяние противоречит основной направленности его личности. Необходимым и обычным результатом всей предшествовавшей преступлению жизни являлось правомерное поведение. Подобное поведение и базировалось на основной направленности личности, что позволяет говорить о совершении таким лицом преступления как о проявлении внешней случайности: внешней по отношению к личности» [3, с. 15]. Не зря в России существует поговорка «От сумы да от тюрьмы не зарекайся».

Конечно, данное явление во многом определяется моральными устоями общества, и чем они ниже, тем ярвственнее проявляется регулирующее воздействие на поведение не морального запрета, а уголовно-правового. Мораль куда-то исчезает, когда атрофируется реализация уголовно-правовых запретов, ослабляется их регулирующее начало, исходящее от государственных органов, и тогда усиливается соблазн нарушить уголовно-правовую норму. В связи с этим государство должно максимально стараться реализовать запрещающие нормы уголовного права, создавать правовые и организационные условия для этого. Правоотношения, возникающие под действием уголовно-правовых запретов, – это не абсолютные правоотношения, основанные на обязанности каждого гражданина их соблюдать и праве государства определять эти запреты, требовать их соблюдения, они имеют двухстороннюю основу: граждане должны иметь право требовать довести эти запреты до них, а государство обязано информировать население о содержании запретов, ответственности за их нарушение и практике реализации этой ответственности и т. п. В таком случае не может возникнуть вопрос: возможно ли в принципе правоотношение, в рамках которого один субъект обладает одними правами и не несет никаких обязанностей, а другой, противостоящий ему субъект, наделен только обязанностями и лишен всяких прав?

Каждый субъект обладает правами и обязанностями, только у одного они проявляются в большей мере, у другого – в меньшей. Государство в лице соответствующих органов должно иметь полноценную обязанность способствовать гражданам в соблюдении уголовно-правовых запретов. Как это сделать – это другой вопрос. Например, в структуре государственных органов предусмотреть юридический субъект, который бы информировал граждан о содержании уголовного закона, создать телевизионную программу, где бы доводились до граждан не только нормы уголовного закона, но и все решения местных судов по уголовным делам и пр. В общем, нужен всеобщий просветительский институт. Возможно, сначала следует провести подобный эксперимент в некоторых субъектах РФ.

В советский период подобную функцию выполняло общество «Знание», когда его члены доводили до трудовых и учебных коллективов знания по праву. В работе этого общества принимали участие преподаватели вузов, следователи, сотрудники милиции и прокуратуры, адвокаты, судьи и др.

При таком раскладе можно было бы частично отойти от римской формулы: незнание закона не является оправданием. Не каждый человек может разбираться в законах, особенно если эти законы часто меняются, что и происходит в последнее время с УК РФ. Многие страны уже пошли на отмену этой формулы с определенными оговорками, связанными с тем, что лицо обладает ошибочной информацией, представленной административным органом до совершения преступления (ст. 122.3 УК Франции), с письменным толкованием закона уполномоченным органом (ст. 8.03 УК штата Техас), с отсутствием понимания того, что оно действует противоправно (ст. 17 УК ФРГ). Так или иначе все эти оговорки имеют отношение к информированию граждан относительно законов и их толкованию.

Как замечает В. В. Лунеев, введение в формулу вины признака сознания уголовной противоправности является одним из способов преодоления элементов объективного вменения. Однако для этого придется отказаться от фактической презумпции «никто не может отговариваться незнанием закона». По мнению ученого, сознание противоправности следует ввести в формулу вины, и уголовный закон должен содержать норму об ошибке в запрете. Он считает, что введение подобной нормы в УК РФ существенно осложнит доказывание вины, но подобные трудности подвигнут к широкому правовому

обучению и воспитанию населения вместо пропаганды насилия и других форм преступного поведения в телевизионных экранах [5, с. 36].

Таким образом, позитивная уголовная ответственность имеет право на существование, как и любая иная ответственность, она динамична, реализуется через правоотношения. Она так же, как и ретроспективная уголовная ответственность, способствует поддержанию правопорядка в стране.

Объяснить позитивную ответственность можно и в рамках учения об охранительных нормах и правоотношениях. Согласно этому учению санкция нормы Особенной части УК рассматривается как диспозиция особого вида правовой нормы, чья гипотеза указывает на наличие состава преступления. Эта охранительная норма связана с запрещающей нормой, и вместе они образуют логическую четырехчленную норму права, состоящую из двух гипотез и двух диспозиций. Запрещающая норма в виде диспозиции статей Особенной части УК признается регулятивной нормой уголовного права. Названная логическая норма действует как бы в двух режимах: а) правосубъектном, оказывающем общепредупредительное воздействие на правосубъектных лиц (состояние позитивной уголовной ответственности); б) охранительном, связанном с правоприменительной деятельностью правоохранительных органов (ретроспективная ответственность) [2, с. 19–22].

В действии уголовно-правовой нормы в этих двух режимах прослеживается весь механизм уголовно-правового регулирования. Роль охранительной нормы заключается в том, что она восстанавливает запрещающую норму, выполняет по отношению к ней служебную, «ремонтно-восстановительную» функцию. Наказание, исправление осужденного стремятся к тому, чтобы он больше не совершал новых преступлений, то есть соблюдал запрещающую уголовно-правовую норму. Так, В. А. Якушин пишет, что «...уголовная ответственность едина. Лишь в рамках единого целого можно различать диалектически противоположные стороны: первую – выполнение нормативных требований, диктующих должное, соответствующее потребностям общества поведение, и вторую – выполнение должного, также диктуемого уголовно-правовой нормой, но уже в результате государственного принуждения как реакции на правонарушение» [12, с. 9].

Можно еще привести слова известного итальянского философа права Дж. Дель Веккио, подтверждающие наличие позитивного права: «Понятие права и противоправности взаимозависимы и взаимодополняемы. Хотя это покажется на первый взгляд странным, право в точном смысле нарушаемо по своей сущности, и оно является правом благодаря своей нарушаемости» [1, с. 722].

В реализации позитивной уголовной ответственности движущим механизмом (активным центром) является поведение граждан, основанное на соблюдении уголовно-правовых запретов, при реализации ретроспективной ответственности превалирует право государства привлечь к ответственности и назначить наказание. В позитивной уголовной ответственности активные обязанности граждан преобладают над обязанностями органов государства обеспечивать их соблюдение, в этом состоит сущность их отношений. Наше общество еще не готово к тому, чтобы активным центром в этих отношениях выступало государство. Чем развитее государство, тем в большей мере оно будет стремиться к выполнению активных функций по обеспечению действительности уголовно-правовых запретов.

Библиографический список

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 3 : Европа, Америка: XVII–XX вв. 829 с.

2. Васильченко А. Общерегулятивные (общие) уголовно-правовые отношения // Уголовное право. 2005. № 4. С. 19–22.
3. Философия уголовного права. СПб., 2004. 348 с.
4. Кондратюк Л. Б. Криминологическое измерение. М., 2008. 272 с.
5. Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. 70 с.
6. Марцев А. И. Теоретические основы общего и специального предупреждения преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 1975. 353 с.
7. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. 203 с.
8. Ременсон А. Л. Наказание и его цели в советском уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1950. 401 с.
9. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В. В. Лунеева. М., 2010. 779 с.
10. Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. 542 с.
11. Уголовное право. Часть Общая (словарь-справочник основных понятий). Рязань, 1988. 422 с.
12. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти, 2018. 337 с.